

Религиозная реформа Августа и ее роль в формировании идеологии Римской империи

Сергиенко Г.А.

Успех и процветание Римской империи в течение нескольких столетий в немалой степени были обусловлены наличием сформировавшейся правящей идеологии. В любом государстве именно идеологический компонент обеспечивает легитимность той или иной формы правления, формирует матрицу социального поведения и обозначает ориентиры для продвижения этого государства в обозримое будущее. Что касается Римской империи, то ее идеология формируется в результате синтеза ряда религиозных, философских и иных факторов. Все составляющие римской имперской идеологии, так или иначе, были направлены на возвеличивание особой роли императора, личность которого становится определяющим фактором единения народов империи.

Для изучающих Новый Завет чрезвычайно важно понимать, что когда на задворках империи, в далекой Галилее зазвучала благая весть Сына Божия Иисуса о наступлении Царства, Рим в лице Августа, сына бога [Цезаря], готов был предложить народам империи альтернативную «благую весть» о наступлении золотого века *Pax Romana*. Именно по этой причине у нас есть все основания утверждать, что римская идеология носила в сущности *эсхатологический, мессианский* характер^[1].

Немаловажную роль в формировании имперской идеологии сыграла религиозная реформа Августа, важной составляющей которой стал культ поклонения императору.

Перед Октавианом, будущим императором Августом (годы правления 27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) стоял целый ряд неотложных задач:

---

¹ См., в частности, Helmut Koester, "Jesus the Victim" *Journal of Biblical Literature* 111 (1992): 3-15; Dieter Georgi, "Who is the True Prophet?" in *Christians Among Jews and Gentiles* (Ed. G.W.E. Nickelsburg & G. MacRae; Philadelphia: Fortress Press, 1986): 100-126.

каким образом положить конец многолетней междоусобице и вражде, сохранить и расширить пределы Рима, а главное, каким образом удержать покоренные народы в повиновении? В силу того, что в понимании многих его современников бедствия гражданской войны объяснялись забвением в обществе религии и богов^[2], Август проводит реформу по реставрации римской религии и культа^[3]. Начиная с 29 года до н.э., Август предпринял беспрецедентные шаги по восстановлению и строительству новых храмов. Вот как об этом в своем завещании свидетельствует сам Август:

Восемьдесят два храма богов в Городе [Риме], будучи в шестой раз консулом [28 год до н.э.], по постановлению сената я восстановил, ничего не упустив из того, что в то время должно было восстановить^[4].

По сути, строительство храмов в Риме становится исключительной прерогативой Августа и членов его семьи. Этот факт в глазах простолюдин несомненно свидетельствовал об особой связи императора с небесным пантеоном.

Обширная программа строительства новых храмов потребовала привлечения лучших специалистов в области архитектуры и строительства и привела к созданию нового типа имперской архитектуры: сияющие на солнце, облицованные белым мрамором и декорированные экстравагантными украшениями, храмы были весьма убедительными символами наступавшей новой эпохи. Об этом засвидетельствовал сам Август словами: «Я принял Рим кирпичным, а оставляю мраморным!»^[5].

Помимо строительства храмов, на многочисленных перекрест-

---

² См., в частности, Helmut Koester, "Jesus the Victim" *Journal of Biblical Literature* 111 (1992): 3-15; Dieter Georgi, "Who is the True Prophet?" in *Christians Among Jews and Gentiles* (Ed. G.W.E. Nickelsburg & G. MacRae; Philadelphia: Fortress Press, 1986): 100-126.

³ См. по теме религиозной реформы Августа следующие англоязычные источники: Peter Garnsey & Richard Saller, *The Roman Empire: Economy, Society and Culture* (Berkeley & Los Angeles, 1987), 163-77; William Fowler, *Roman Ideas of Deity in the Last Century before Christian Era* (Freeport, NY: Books for Libraries Press, 1914; repr.1969); John Ferguson, "Classical Religions," in *The Roman World*. (ed. John Wachter; vol. 2; London & New York: Routledge, 2002), 749-60; R. Ogilvie, *The Romans and Their Gods in the Age of Augustus* (London: Chatto & Windus, 1969); Paul Zanker, *The Power of Images in the Age of Augustus* (trans. Alan Shapiro; Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988).

⁴ Res Gestae 20. Цитируется по <http://ancientrome.ru/antlitr/augustus/res1.htm>.

⁵ Светоний, Божественный Август 28.3.

ках Рима и других городов, там, где традиционно располагались святилища в поминавание о духах умерших (т.н. *Лары*), теперь повсеместно возводились святилища исключительно в память об умерших предках императора (*Lares Augusti*), или же в честь гения самого императора (*Genius Augusti*). Таким образом, своеобразная тень императора следовала за обитателями городов, напоминая о вездесущем оке правителя.

Религиозная реформа Августа коснулась организации и функционирования жреческих коллегий. Назначение Августа в 12 году до н.э. на пост верховного жреца (*pontifex maximus*) создает прецедент концентрации политической и религиозной власти в одних руках. Август, с одной стороны, инициирует принятие Сенатом ряда законодательных актов по поднятию престижа института жрецов, а с другой, существенно ограничивает возможности жреческих коллегий оказывать влияние на принятие политических решений, фокусируя их внимание на служение императору. Август, в частности, запрещает широко распространенную практику профессионального гадания (*дивинации*), когда жрецы с помощью определенных манипуляций могли «предсказывать» события будущего и тем самым влиять на принятие того или иного решения^[6]. Август оставляет право предсказания исключительно за своей персоной. Хорошей иллюстрацией этого ограничения может служить эпизод, связанный с арестом Павла в Фессалониках (Деян. 17:7). Предъявленные ему обвинения в нарушении «повеления Кесаря», скорее всего, означают, что слова Павла «о другом царе» могли быть восприняты как попытка предсказания скорой смены власти. К тому времени права на такое предсказание не имел никто, кроме самого кесаря^[7].

Специальное место в религиозных реформе Августа отводилось проведению различных фестивалей и ритуальных шествий. Жизнь городов была насыщена мероприятиями подобного рода, большая часть из которых была посвящена императору или членам его се-

⁶ Неоценимую услугу для широко-распространенной практики предсказания оказала философия стоиков с их представлением о рациональном устройстве мироздания. Стоики полагали, что умение постигать предопределенный порядок вещей открывает человеку доступ к постижению его предназначения в настоящем, а также делает возможным предсказание будущего.

⁷ См. E. A. Judge, "The Decrees of Caesar at Thessalonica," *Reformed Theological Review* 30(1971): 1-7.

ми. В эти дни «безмолвные камни храмов оживали»^[8]. Поражавшие своими размерами и убранством храмы в сочетании с обильными жертвоприношениями производили неизгладимое впечатление на участников и сторонних зрителей этих церемоний. Подобные мероприятия сопровождалось выступлением артистов, чтецов, акробатов, и могли продолжаться в течении нескольких дней.

В годы правления Августа мы становимся свидетелями рождения нового религиозного феномена – культа поклонения императору^[9]. Идею поклонения правящему монарху римляне заимствуют из схожей практики, зародившейся в эпоху правления Александра Македонского (годы правления 333-323 гг. до н.э.). Этой практике, в свою очередь, предшествовала давняя греческая традиция (восходит к V веку до н.э.) почитания так называемых “героев”. Этому звания посмертно удостоивались воины и государственные мужи исключительной храбрости и мужества. Места их погребения становились местами паломничества и религиозного поклонения. Плутарх воспроизводит свидетельство древнегреческого историка Дурида Самосского который в 300 году до н.э. писал о спартанском военачальнике Лисандре:

...ему [т.е. Лисандру] первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу...^[10].

---

⁸ Zanker, *Images*, 114.

⁹ По теме культа поклонению императора, см.:A. Brent, *The Imperial Cult and the Development of Church Order* (Brill Academic Publishers, 1999), 1-72; M. Charlesworth, “Some Observations on Ruler-Cult Especially in Rome,” *HTR* 28 (1935): 5-44; M. Clark, “Spes in the Early Imperial Cult: The Hope of Augustus,” *Numen* 30 (1983): 80-105; D. Cuss, *Imperial Cult and Honorary Terms in the New Testament* (Fribourg, 1974); J. Ferguson, “Ruler-Worship,” in *The Roman World* (ed. J. Wachter; London & NY: Routledge, 2002), 2:766-79; D. Jones, “Christianity and the Roman Imperial Cult,” in *AWRW*, II/23.2 (Ed. H. Temporini & W. Haase; Berlin & NY: Walter de Gruyter, 1980): 1023-1054; A. Kee, “The Imperial Cult: the Unmasking of an Ideology.” *SJRS* 6 (1985): 112-28; H. Kennedy, “Apostolic Preaching and Emperor Worship,” *Exp.* 7 (1909): 289-307; H. Klauck, *The Religious Context of Early Christianity. A Guide to Graeco-Roman Religions* (Transl. B. McNeil ; Edinburgh: T&T Clark, 2000): 250-330; S.R.F. Price, *Rituals and Power: The Roman Imperial Cult in Asia Minor* (Cambridge University Press, 1984, repr. 1998; *Ibid.*, “Gods and Emperors: The Greek Language of the Roman Imperial Cult,” *JHS* 104 (1984): 79-85; L. Taylor, *The Divinity of the Roman Emperor* (Philadelphia: Porcupine Press, 1975; repr. 1931).

¹⁰ Плутарх, Лисандр 18.3 (перевод М.Е. Сергеенко).

Подобной чести удостоивались также состоятельные люди, которые благодаря своей щедрости удостоивались титулов “спасителя” (σωτήρ) и “благодетеля” (εὐεργέτης). На первоначальном этапе почести, воздававшиеся здравствующему благодетелю или умершему герою, никоим образом не отождествлялись с обожествлением, т.е. строго говоря, благодетели и герои не считались богами. Оказываемые им почести были выражением признания действия божественных сил в человеке.

Александр Македонский стал первым правителем, который целиком и полностью воспринял и применил по отношению к самому себе господствовавшее на Древнем Востоке представление о том, что царь правит благодаря своему божественному происхождению^[11]. Озарение пришло к Александру в Египте, где существовала давняя традиция, согласно которой фараон отождествлялся с божеством. Когда Александр с триумфом входил в Египет, местное население приветствовало его как бога, так что у Александра «не оставалось другого выбора, как стать богом»^[12]. После покорения Персии, где сатрапы приветствовали Александра, падая пред ним ниц на колени, он еще больше утвердился в желании приобщиться миру богов. Тем самым, он, пожалуй сам того не ведая, вдохновил многочисленных правителей последующих поколений следовать его примеру.

Преемники Александра, которым в наследство досталась огромная империя, стали открыто практиковать культ поклонения правящему монарху, в том числе с целью придания сакрального статуса своей власти. Если в практике почитания «героев», оказываемые почести были выражением признательности за выдающиеся заслуги, то теперь божественные почести оказывались носителю титула и не были связаны с его достижениями или добродетелью. Почитание царственной особы стало обязанностью всех жителей царства, а не только отдельных городов.

Первым из римлян, кто, подобно Александру Македонскому, захотел при жизни приобщиться к божественному пантеону был Юлий Цезарь (100-44 гг. до н.э.). Несмотря на то, что идея обожествления

¹¹ Следует заметить, что Александр на пути к обожествлению должен был преодолеть естественную предрасположенность против подобных идей, господствовавших среди просвещенных эллинов (см. в частности, трактат Цицерона «О природе богов»).

¹² А. Kee, “Imperial Cult,” 115.

человека при его жизни воспринималась римлянами с большой долей скепсиса^[13], Юлию Цезарю удалось убедить своих современников в том, что почитание правителя как бога не противоречит римской традиции^[14].

Восприятию идеи обожествления правителя способствовали также ряд внешних обстоятельств. Уже упоминавшийся хаос гражданского противостояния, постоянные дворцовые интриги и перевороты периода поздней Республики свидетельствовали о глубоком кризисе религиозных и государственных институтов и их неспособности изменить сложившееся положение вещей. В обществе в целом зрела идея, что только харизматичная личность, наделенная сверхъестественными способностями и добродетелями, принесет перемены. В этом процессе существенную роль сыграл культ поклонения обожествленным добродетелям – еще один важный элемент имперской идеологии. Возникновение культа добродетелей связано с особым функциональным восприятием римлянами божественного, которые отождествляли космос с местом обитания множества божественных сил. Каждое конкретное конкретно-абстрактное понятие (мир, победа, надежда, и т.д.) рассматривалась римлянами как проявление божественных сил. Так, например, *pax* была богиней, приносящей мир, *victoria* – победу, *spes* – надежду. Военное продвижение Рима на греческий Восток означало в том числе усвоение греческих религиозных и политических идей. В этой связи культ добродетелей приобретает дополнительную значимость, потому что посредством него происходила ассимиляция существенных концепций эллини-

¹³ См., например, сатирические заметки Цицерона, высмеивающие желание кесаря стать богом (Письма к Аттику 12.45.3).

¹⁴ В частности, согласно представлениям римлян в каждом живом организме присутствовал своего рода божественный импульс (нумен). Именно благодаря наличию нумена в растениях и животных происходит их рост и развитие. В человеке же проявление нумены сказывается в способности мыслить и управлять другими. Считалось, что чем более высокое положение занимал человек, тем больше он одарен этим божественным импульсом. Уделом особо одаренных людей и правителей была привилегия использовать свой нумен для блага других. Таким образом, в римской традиции актуальным был не столько вопрос о возможности обожествления человека, сколько о степени божественного в человеке (см. Little, “Augustan Poetry,” 280-81). Синонимичным понятию нумены было понятия гения (духа) внутри человека. Именно наличия у каждого человека своего ангела-хранителя (гения) делает возможным его добродетельную и полезную для окружающих жизнь. См. Ogilvie, *Romans*, 121; W. Pötscher, “‘Numen’ und ‘Numen Augusti’”, ANRW II.16,1 ed. By W. Haase, Berlin-New York, 1978, 355-92.

стического мира в политический дискурс Римской империи. Хороший правитель воспринимался как воплощение божественных добродетелей, благодаря проявлению которых обеспечивалось благополучие и процветание государства. Правление хорошего царя было земным отражением божественного миропорядка^[15].

Идее обожествления также способствовал кризис классической модели полиса. Римский полис, в отличие от греческого, представлял собой космополитичный феномен – смешение людей разных культур и религий, объединенных фактором лояльности кесарю. В подобной атмосфере оторванности от своих родовых и религиозных корней возникали предпосылки для восприятия новых религиозных идей и форм поклонения.

Существенную роль в формировании образа божественного Августа и наступавшей новой эпохи сыграли псевдо-пророческие вирши Вергилия и Горация. По признанию ученых, их поэзия во многом созвучна с пророческими голосами ветхозаветных пророков. Поразительным является, в частности, предсказание Вергилия о том, что наступлению золотого века предшествует рождение младенца от Девы^[16]. Этот младенец «удостоится жизни богов, увидит героев между богами и будет у них на виду»^[17]. Время его правления характеризуется необычными изменениями в мире природы:

Стадо коровье не будет бояться львиных набегов.

Нежная поросль цветов растечется в твоей колыбели.

Змеи умрут, трава, что коварным насыщена ядом,

сгинет...^[18]

Позже Вергилий прямо отождествляет этого младенца с кесарем Августом:

¹⁵ См. по теме: J. Fears, "The Cult of Virtues and Roman Ideology," *ANRW* 2.17.2 (1981): 827-948; L. Lind, "Roman Religion and Ethical Thought: Abstraction and Personification," *CJ* (1974): 108-19; A. Wallace-Hadrill, "The Emperor and His Virtues," *Historia* 30 (1981): 298-323.

¹⁶ ...начат великий отсчет: потекла вереница столетий.

Заново Дева придет, возвращается царство Сатурна,

новое послано племя на землю из глуби небесной.

Мальчику благоволи, который родится,...» 4 Эклога (перевод Гр. Старковского).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ср. Ис.11:6-8; 65:25.

Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни...^[19].

Прозорливость Августа сказалась в его осознании важности использования религиозного фактора для консолидации огромной империи. Как для его предшественников, так и для Августа, главным было не столько желание сделать себя богом в буквальном смысле этого слова, сколько обрести рычаги безграничной власти.

Справедливости ради следует отметить, что Август, учитывая превалирующие настроения своих сограждан, никогда не требовал поклонения своей персоне как божеству. Дело в том, что для обозначения божества римляне использовали два термина: *deus* («бог») – термин применялся в отношении «вечных» богов и *divus* («богоподобный») – этим титулом награждался усопший император. Таким образом, император становился «богом» и предметом поклонения только после своей смерти (соответственно, его наследник носил титул *divi filius* – «сына бога»). Однако повсеместно в империи римские граждане поклонялись гению императора (см. ссылка 14), а также многим другим обожествленным добродетелям императора, среди которых были богини победы, мира, надежды, и безопасности.

В восточных же провинциях империи, в силу продолжительной практики поклонения правящему монарху, император при жизни почитался как божество. Религиозный культ стал наиболее естественным и эффективным способом выражение чувств благодарности императору за его мудрое правление и связанные с ним мир, процветание и благополучие. Более того, известны случаи, когда между городами восточной части империи устраивались своего рода соревнования за право воздвигнуть храм в честь императора. Тем самым местные элиты пытались заручиться поддержкой императора в получении дополнительных денежных средств на решение городских проблем. Культ поклонения императору становится составной частью культа богини Ромы (*Dea Roma*), который на протяжении двух предшествовавших столетий олицетворял римское военное и поли-

---

¹⁹ Энеида. 6.791–793 (Пер. С. Ошерова). Среди произведений Горация особый интерес представляет его Ода 16 и произведение *Carmen saeculare*.

тическое могущество^[20].

В результате проведенной реформы кесарю Августу удалось представить самого себя в качества идеального правителя, благодаря мудрому правлению которого, благоволение богов снизошло на землю. В 9 году до н.э., в ознаменование успехов и заслуг Августа, в Риме был воздвигнут величественный алтарь *pax Augusta*^[21], на передней стеле которого были изображены богини мира (*pax*), счастья (*felicitas*), согласия (*concordia*) и благочестия (*pietas*). На боковых стелах были высечены две процессии: на одной стеле – процессия сенаторов, на другой – членов императорской семьи. Вот оно проявление богини согласия в действии: гармония отношений между императором, сенаторами и членами его семьи! Спаситель Август принес долгожданный мир Риму и всем его обитателям! Достигнутый мир – свидетельство об умиротворении небесного пантеона (*pax deorum*), т.е. о восстановлении мира между небом и землей.

Весьма важную роль в достижении этой иллюзорной гармонии сыграл культ поклонения императору. Благодаря ему практически безграничная власть одного человека получила легитимный статус. Возникнув как естественное продолжение греко-римской религиозной традиции, этот культ со временем стал эффективным способом выражения лояльности правящему императору. В годы правления Августа (начиная с 12 года до н.э.) в империи повсеместно вводится ежегодная практика принесения клятвы верности императору. Вне всякого сомнения, многочисленные мероприятия (праздники, фестивали, уличные процессии, воскурение фимиама, жертвоприношения и т.д.), участие в которых было необходимо для поддержания законного статуса, были прямым вызовом для различных маргинальных групп, в первую очередь, для христиан. Отказ принимать участие в подобных мероприятиях выявлял явные признаки нелояльности системе^[22]. Ко времени написания книги Откровения немногочисленные последователи Иисуса из Назарета должны были

²⁰ Следует заметить, что участие в культе поклонению императора считалось неуместным для римских граждан. См. Дион Кассий 51.20.7-8; Светоний, Август 52.

²¹ Aug. Res Gestae 12.

²² В письме Плиния Младшего императору Траяну (112 г. н.э.) сообщается о том, что отказ поклониться изображению императора был достаточным основанием для обвинения в нелояльности Риму (Письма, 10.96).

сделать выбор между «Господом и Богом», восседающим на небесном троне, и тем, который восседал на троне земном^[23]. Сам имперский культ в этой книге представлен в гротесковом виде в образе зверя, требующего себе поклонения (Откр. 13:1-9). Так со временем под личиной религиозного культа стал отчетливо просматриваться идеологический инструмент империи.

---

²³ В книге Откровения явно прослеживаются элементы антиимперской полемики, направленной против попытки императора Домициана узурпировать титул «Господа и Бога», который по мнению христиан принадлежал только одному Богу : «Ты достоин, Господь, наш Бог, принять славу, честь и силу,..» (Откр. 4:11; перевод РБО); ср. «С не меньшей гордыней он [Домициан] начал однажды правительственное письмо такими словами: «Государь наш и бог [*dominus et deus noster*] повелевает...» и с этих пор повелось называть его и в письменных и устных обращениях только так» (Светоний, «О жизни Цезарей», 12.13); см. также Виктор Аврелий «О Цезарях» 11.2